

ЭДУАРД фон ЛЕНЦ

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СТАРИННОМ ХОЛОДНОМ ОРУЖИИ

Статья была опубликована в «Альманахе армии и флота» в 1902 г. Эдуард фон Ленц - заведующий собранием оружия Эрмитажа с 1899 по 1919 г. Автор кратко рассматривает эволюцию холодного оружия в Европе в X – XVIII в.в., отмечает его некоторые конструктивные особенности, связанные со спецификой боя в этот период. Обращает внимание на различия в эволюции европейского и восточного оружия на примере различий в конструкции эфеса. Отдельно автор касается украшения и клеймения клинкового оружия. Автором описываются клейма, ставившиеся мастерами Германии, Италии и Испании.

Ключевые слова: *холодное оружие, эфес, клинок, украшение холодного оружия, клейма, Европа, Восток.*

Довольно твердо установилось мнение, что у нас в России, за весьма немногими исключениями, нет людей, интересующихся историческим развитием оружия и что такое равнодушие к памятникам боевой старины, - как это ни странно, - встречается преимущественно среди военного сословия.

Не нам судить о том, насколько основателен делаемый нашему офицерству упрек; считаем, однако, своим долгом засвидетельствовать, что если безразличное отношение к прошлому оружейного искусства составляет правило, то мы тем более должны быть благодарны счастливому случаю, познакомившему нас с целым рядом «исключений», с людьми, понимающими толк

в старинном оружии, умеющими ценить в нем и боевые качества, и произведение художника и памятник старины. Такого рода личный опыт дает нам право полагать, что и вне круга наших случайных знакомых найдется немало лиц, относящихся с любовью к истории оружия, найдутся любители, интересующиеся подробностями по части производства, отделки и украшения, найдутся собиратели, желающие по историческим данным проверить свои личные наблюдения, найдутся, наконец, и знатоки, могущие дополнить и исправить сообщаемые здесь сведения.

Вот те соображения, которые побудили нас, по приглашению редакции «Альманаха Армии и Флота» предложить читателям краткий очерк исторического развития холодного, или, вернее, белого оружия. Само собою разумеется, что в узкой рамке журнальной статьи нечего и помышлять о полноте и систематичности изложения: даем лишь в самых крупных чертах набросок постепенного изменения форм белого оружия, с указанием наиболее характерных признаков, могущих руководить при определении времени и места изготовления клинков. Изложение коснется, преимущественно, западноевропейского оружия, как наименее знакомого нашим соотечественникам; исходною же точкою очерка возьмем эпоху крестовых походов, в тех видах, что оружие, принадлежавшее к более отдаленным временам, почти исключительно составляет достояние музеев и едва ли попадает в руки частных собирателей...

I. Очерк развития белого оружия.

Определение времени и места изготовления клинка представляет немало затруднений даже в тех случаях, когда на помощь исследователю являются техника различных украшений, рисунок узоров, знаки и клейма мастеров; при отсутствии же подобных вспомогательных данных, когда приходится судить по одной лишь форме предмета, с тем большим вниманием следует придерживаться основного положения о том, что всякое наступательное оружие непременно рассчитывалось как во внешних своих очертаниях, так и по внутренним качествам в строгой зависимости от современных ему оборони-

тельных средств и что, наоборот, оборонительное оружие видоизменялось соответственно ходу развития наступательного.

Руководствуясь этим соображением, наши собиратели не делались бы так часто жертвами *грубого обмана* и относились бы более критически к *уверениям продавцов старинного оружия*, без всякого стеснения приписывающих напр. легкий сабельный или шпажный клинок – временам крестовых походов, алебарду с прорезным слабым топориком и вычурным крюком – эпохе Карла Смелого и т.п., тогда как достаточно одного взгляда на подобное оружие, чтобы убедиться в полной его непригодности против воина указанных времен, закованного в плотную стальную броню, положительно непроницаемую для таких невинных наступательных средств.

В XII в. рыцарский доспех уже на столько усилился, что мечи для достижения своей цели должны были иметь достаточную длину и вес для раздробления, напр., шлема или щита и часто, для некоторого облегчения массивного широкого клинка в 80 сант. до 1 метра длины, по обе стороны выбиралось по плоскому широкому долу и на конце рукоятки приспособлялся круглый плоский набалдашник, как необходимый противовес непомерной тяжести полосы. Рука была защищена от неприятельских ударов одним только крестом с небольшими концами и притом весьма мало возвышающимися над боковыми плоскостями клинка; несомненная недостаточность такого оборонительного приспособления объясняется весьма естественно тем, что мечи в то время служили исключительно для нанесения ударов, не для отражения неприятельского оружия, от которого рыцарь укрывается под щитом.

В течение XIII и XIV вв. доспех постепенно совершенствовался, превращаясь, по мере развития искусства в обработке металла, в целую систему плотно связанных между собою стальных пластинок. Соответственно сему изменились и полосы мечей: клинок усилился, вместо плоских дол часто выковывались крепкие крутые ребра, полосы постепенно все более и более применялись к уколу и с этой целью сводились к тонкому острию, способному проникать между досками доспехов и пробивать кольчугу. В то же время меч всадника окончательно отделился от меча пешего ратника и выработался особый тип «всаднического меча на полуторы руки» (Reiterschwert zu ander-

thalb Hand) с рукоятью, не достигающею чрезмерной величины позднейших «двуручных» мечей ландскнехтов, но достаточной длины, чтобы, для усиления размаха, можно было приложить и левую руку.

В XV в. рыцарский доспех достигает полного развития и, вместе с тем, за ненадобностью, исчезает щит, с XII в. постепенно уменьшавшийся по мере того, как ноги всадника тщательнее прикрывались стальными досками. С исчезновением щита, настала необходимость отражать удары противника мечом, а для сего прежде всего нужно было приспособить рукоять меча к более действенной защите руки. С этою целью середину гладкого до сего времени креста снабдили сперва с одной, а вскоре и с обеих сторон, горизонтальными кольцами, а затем, в начале XVI в., прибавили еще несколько спускающихся по направлению к острию дужек, которыми удар противника останавливался на безопасном для руки расстоянии.

Таким образом все усилия были направлены к тому, чтобы удержать рыцарский меч на высоте его назначения, но далее идти было уже некуда: величина и тяжесть полосы делали ее пригодною только для всадника и то не на очень продолжительное время и, во всяком случае, не для постоянного ношения.

Явилась потребность в белом оружии других, более легких и удобных образцов, соответственно чему к концу XV в. возник ряд новых типов, из них приведем наиболее характерные.

В помощь мечу, уже бессильному против усовершенствованной брони, рыцарь брал в бой пристегнутую к седлу большую шпагу с узким и тяжелым трех- или четырехгранным клинком, тонкое, особенно тщательно закаленное острие которого при сильном напоре могло разъединить доски доспеха и пробить плетение кольчуги. На востоке это оружие было уже ранее известно под названием «кончар» и находилось в употреблении в Польше и в России до конца XVIII в. причем рукоять конечно, имела совершенно иную, чисто восточную форму.

Много разнообразия в вооружение внесли швейцарские и немецкие полки наемников, имевшие совершенно своеобразную организацию, особую тактику и особое, примененное к новым боевым условиям оружие: сюда отно-

сятся короткие, носимые за поясом, мечи ландскнехтов с широким обоюдо-острым клинком, расширяющиеся к верхнему концу рукоятью и загнутой горизонтально в виде буквы S защитой; значительно большие двуручные мечи тех же ландскнехтских полков, служили в XV в. для прокладывания дороги сквозь сплошные ряды пехоты, впоследствии же составляли принадлежность отборной по росту и силе роты, которой вверялась защита полковника и знамени; затем широкие мечи с закрытым решетчатым эфесом конных наемных отрядов, служивших Венецианской республике и, по-своему преимущественно славянскому составу, носивших название «*schiaivona*». Наконец, с XV в. в особенности в Италии, большое распространение получили так называемые «воловы языки» (*lingua dibue*), нечто среднее между большим и широким кинжалом и коротким мечем.

К упомянутым типам следует причислить также носившиеся дворянами вне походов «городские мечи» в общем сходные с формой рыцарских мечей, но более легкие и изящнее отделанные, а также разного рода короткие тесаки с кривой полосой об одном лезвии пеших ратников, горожан и крестьян.

Радикальный переворот, происшедший в течение XVI в. во всем военном деле вследствие появления новой тактической единицы – организованной пехоты, вооруженной огнестрельным оружием, коснулся самым решительным образом и дальнейшего развития белого оружия. Выше было упомянуто о том, что с XIII в. уже началось постепенное приспособление клинка к уколу, вызванное невозможностью раздробить доспех даже самую тяжелую полосу. Процесс перехода от рубки к уколу продолжался безостановочно и в XVI в. привел к превращению раздробляющего меча в колющую шпагу, а могло это случиться конечно только в тот момент, когда стальной пластинчатый доспех, вследствие развития ручного огнестрельного оружия, сошел со сцены навсегда.

Не имея возможности проследить здесь шаг за шагом постепенное превращение «рыцарского» боевого доспеха в освященный традициями парадный костюм дворянского сословия, ограничимся указанием, что во второй половине XVI в. уже установился тип «ландскнехтского» или «легкого» доспеха и что затем всадники-дворяне, хотя крайне неохотно и медленно, начали

по частям слагать с себя старинную броню, не имевшую более практического боевого значения.

Ко времени решительной победы демократического начала пеших полчищ над аристократией – рыцарскими всадниками относится быстрое распространение выработанного в Италии и в Испании нового типа белого оружия – шпаги, носившей в известном смысле также демократический характер, в том, по крайней мере, отношении, что она, вытеснив быстро все разновидности меча, сразу сделалась принадлежностью не одного только привилегированного класса, но всех без исключения сословий: придворного кавалера и рядового наемника, всадника и пехотинца, мирного горожанина и бретера-авантюриста. Крайней разнородностью задач, которым должно было служить новое оружие, объясняются и бесконечные его разновидности, выражающиеся в устройстве рукояти, длине, весе, форме и отделке клинка. В конце XVI в. железные рукавицы вышли из общего употребления и, следовательно, эфес шпаги прежде всего должен был обеспечить всестороннюю защиту руки от удара и укола, каковую задачу каждый изобретательный оружейник решал по своему, вследствие чего получились бесчисленные варианты немногих основных, наиболее простых форм: эфесы делались «открытыми», т.е. оборонительные приспособления сосредотачивались под крестом, вокруг пяты полосы, или «закрытыми», обхватывающими руку со всех сторон, причем плетение из дуг устраивалось и под и над крестом. Совокупности крупных и мелких дуг, перехватов, колец, прорезных и глухих щитков придавались различные формы: чашки, тарелки, корзины, решетки и т.п. Равным образом, и клинки выковывались разных образцов, смотря по их назначению: тяжелые полосы об одном лезвии преимущественно приняты были в конных отрядах, пехота предпочитала многогранные обоюдоострые клинки, широкие упругие рапиры сделались излюбленным оружием знатных кавалеров, узкие шилообразные клинки употреблялись чаще в поединках и т.д. Будучи всесословною шпага стала вместе с тем и международною, сохраняя в общем свою основную испано-итальянскую форму, изменяющуюся разве в частности уступками национальным вкусам.

Господство шпаги продлилось слишком 300 лет, но уже с конца XVIII в. она постепенно стала утрачивать характер боевого оружия и все более превращалась в принадлежность придворного костюма, военного и гражданского мундира; в настоящее время шпага доживает свой век в жалкой, изуродованной по позднейшим французским образцам форме.

В XVI в. замена рыцарского вооружения общим, если можно так выразиться «вольным» оружием привела за собою введение в европейских войсках кривого сабельного клинка, завоевавшего себе, наравне со шпагою, господствующее положение и, по справедливости, даже пережившего шпагу в качестве боевого оружия. Переход от обоюдоострой прямой полосы к кривой об одном лезвии представляет, как известно, значительный шаг вперед в деле оружейной техники: прямое лезвие раскалывает и раздробляет твердые предметы, на мягких же его действие оказывается весьма умеренным; кривое же лезвие не только раскалывает но, вместе с тем, режет и распарывает, соединя в себе действия топора и ножа. Несмотря на такие преимущества сабли, издревле известной на Востоке, рыцарство не ввело ее в употребление у себя, хотя познакомились с кривыми полосами еще до эпохи крестовых походов; причиной тому было с одной стороны, враждебное и пренебрежительное отношение к оружию «неверных», а с другой – недостаточно сильное раздробляющее действие на броню сравнительно легкой и не очень длинной сабельной полосы. Но если сабли и не привились среди привилегированного класса, то, тем не менее, кривые полосы в том или ином виде мало по малу приобретали право гражданства и в Европе, хотя в начале более между плохо вооруженными пешими ратниками, городскими жителями и крестьянами; так во Франции искривленные тяжелые полосы встречаются с XIII-XIV вв. под названием «fauchion» (коса) или «badelaire», в Италии подобной же формы большие «ножи» - «cortelas» «coltelaccio» в употреблении с начала средних веков, в Германии – с XIV века под тем же названием, но искаженном в «Kordelätsch».

Не вдаваясь в подробности, касательно устройства и видоизменений европейских сабельных клинков, мы не можем не остановиться на мелкой, но чрезвычайно характерной и поучительной особенности, как нельзя лучше

рисующей превосходство в оружейной технике восточных мастеров над их западными последователями: мы разумеем оборонительное приспособление сабельного крыжа. Восточный крыж изумительной простоты состоит из прямого креста, по обе стороны которого выковано по поперечному шипу (перекрестье), верхние половины коих наглухо приделаны к рукояти, между тем как нижние спущены по направлению к острию, возвышаясь на 2-3 сантиметра над плоскостью полосы; устройство, как видно, весьма несложное, но вместе с тем безусловно обеспечивающее защиту руки от скользящих вдоль полосы неприятельских ударов, под каким бы углом они ни приходились. Лезвие противника, смотря по направлению удара к плоскости отбивающей полосы, или останавливалось крестом, или же защемлялось между полосой и одним шипом перекрестья. Эта простейшая система защиты руки еще более развита в эфесах мавританских мечей и польских сабель, называемых «карабела», у которых кроме средних шипов перекрестья, еще и концы креста спущены к полосе, так что между ними и лезвиями образовывались узкие щели, в которых должен был застревать клинок противника.

Западные оружейники не поняли, а если и поняли, то не пожелали применить этой системы; шипы перекрестья, правда, встречались и у них, но на шпажных эфесах они, уменьшенные до размеров маленьких, выпиленных из креста мысиков, плотно прилегали к клинку и, следовательно, для защиты руки были безразличны, к сабельным же крестам прикреплялись, и то более для украшения, щитки в виде тонких треугольных языков, между тем как защита руки обеспечивалась системой дуг, щитков и перехватов, близко подходившей к образцам шпажных эфесов.

Сабельные полосы как и шпажные клинки бывали весьма различных форм, смотря по кривизне, длине и весу полосы, величине и числу выбранных по ней долов, устройству острия, отлого сведенного на нет или выкованного в широкий обоюдоострый елман и т.п., но эти разновидности более внешнего характера не имели решающего значения для боевой пригодности сабли, зависящей от совокупности многих, на сколько нам известно далеко еще недостаточно выясненных условий; сила удара является результатом столь многочисленных и сложных по взаимному соотношению данных, как-

то: отношения кривой, образуемой линией удара к кривизне полосы, к длине, весу и точке равновесия клинка, к положению оси рукояти и пр. что мнения специалистов до сего времени значительно расходятся в вопросе о том, основана ли форма восточных сабель на тонких, неизвестных нам вычислениях или же на собранных веками эмпирических наблюдениях. Мы, конечно, не беремся судить о том, предшествовала ли установлению образцов сабель и шашек для европейских войск всесторонняя разработка указанной теоретической стороны вопроса, но считаем себя в праве высказать сомнение в том, что при такой разработке в достаточной степени был принят во внимание тот богатейший материал, который хранится в наших музеях в виде замечательнейших экземпляров старинных сабельных клинков, выкованных исконными нашими учителями в оружейном деле – индусами, персами, арабами и турками.

В наши дни сабля является последним представителем белого оружия, устоявшим против всеильного огнестрельного механизма. Но и мы стоим на рубеже...

II. Способы украшения клинков. Клейма.

Считаем не лишним краткий очерк развития белого оружия дополнить хотя бы сжатым перечнем наиболее употребительных способов украшения клинков, тем более, что хотя бы и поверхностное знакомство с этой стороной дела могло бы нередко предохранить наших собирателей старинного оружия от *грубого обмана со стороны продавцов*.

В XII в. на широких плоских набалдашниках рыцарских мечей появились врезанные в металл имена, изредка и гербы собственников, на клинках же стали помещать более или менее пространные надписи, состоявшие иногда только из начальных букв, как то: O.S. (O Sancte!) или S.S. (sacrificium sanctum), в других случаях из целых молитвенных воззваний, изредка из стихов светского содержания; довольно частые случаи когда – особенно в XIII в. – выбивались ряды готических или латинских букв без всякого смысла, естественнее всего объясняются безграмотностью рабочего, копировавшего непонятные для него знаки, но весьма нередко подобные надписи умышленно

делались неразборчивыми, дабы придать им таинственный характер заклинания или заговора, недоступного пониманию простого смертного. Такая уловка, рассчитанная на суеверие темного люда, была преимущественно в ходу у мастеров города Пассау на Дунае, заклинания которых (Passauer Waffensegen) считались наиболее действительными.

Как упомянутые буквы и надписи, так и другие украшения, гербы, разводы и клейма, о которых ниже будет сказано подробнее, в течение XII – XV вв. или просто прорезывались в металле, или врезанные линии заполнялись еще другим металлом: медью, серебром или золотом. Рукояти украшались серебром и золотом с чернью, эмалью и резьбой, резные и гравированные узоры на клинках золотились. В особенности замечательно совершенство шлифовки, которою преимущественно славились миланские оружейники: выбирались удивительные по тонкости и правильности поперечные и продольные долы разных профилей, шлифовались и другие фигуры, кружки, розетки, и т.п., в том числе круглые и плоские углубления, служившие якобы благочестивым воинам вместо четок; такие клинки носили название «Paterposter». Наконец, большой известностью пользовались испанские и итальянские клинки с тонкими сквозными прорезями, которым люди с романтическими наклонностями присвоили – без всякого, впрочем, основания, - название «нарезов для яда» (Giftzüge).

В XVI в. возникли новые способы украшения клинков путем вытравливания узоров крепкой водкой, воронения стали синими, фиолетовыми и красными побегами и золочения накладным листовым золотом. Разводы в стиле эпохи возрождения стали появляться все реже и реже, и к концу века преобладали латинские и немецкие изречения и изображения античных героев в перемешку с современными коронованными особами и полководцами. В XVII в. дают себя чувствовать мусульманские нашествия, венгерское и польское влияние: любимыми сюжетами для украшения клинков стали изображения Богородицы с Младенцем, затем рука, вырастающая из облака и держащая турецкую саблю, турки в чалмах, крест, звезды и полумесяц. К концу XVII и к XVIII в. относятся фигуры всадников и пеших воинов в венгерском

костюме с соответствующими надписями: «Vivat Hussar», «Vivat Pandur», двуглавые орлы, «Vivat Maria Theresia» и т.п.

На шпажных клинках этого времени преобладают девизы на французском языке.

Сравнительно недавно стали обращать внимание на особые знаки и клейма, указывающие на происхождение оружия из известного города или мастерской, и только за последнее десятилетие, благодаря образцовым исследованиям ныне покойного директора Венского музея В. Бегейма, дело определения этих знаков продвинулось значительно вперед и получило настолько удовлетворительную обработку, что в скором, сравнительно, времени можно будет ожидать издания словаря известных оружейников с рисунками употребившихся ими клейм.

Не имея возможности дать хотя бы сколько-нибудь полный перечень наиболее выдающихся мастеров, мы должны ограничиться кратким очерком развития и указанием особенно характерных сторон в деле клеймения белого оружия по главным центрам его производства: Германии, Италии и Испании.

За время средних веков сохранились некоторые имена знаменитых оружейников, но они упоминаются большей частью в народных преданиях или в поэтических произведениях и, как полусказочные, исторического значения не имеют; к тому же, подлинных предметов этого времени дошло до нас не много и в большинстве случаев плохой сохранности; наконец, и современные воззрения на творения рук человеческих не благоприятствовали продвижению личности мастера: творец отступал перед своим творением на задний план, и только в эпохе возрождения мастер-художник отстаивал свои права на личную славу.

III. Германия. Знаменитый «Волчок» и подделка его. Солингенские «Волчки».

С XIII в. на белом оружии начали появляться врезанные в металл знаки, обыкновенно выложенные красной или желтой медью, которые, не имея еще характера лично принадлежащего известному мастеру клейма, его так сказать, фабричной марки, указывали однако на происхождение предмета из оп-

ределенного центра производства, города или даже мастерской: таково, например, клеймо Миланской мастерской, изображающее скорпиона. Наиболее известное из них – и на нем мы остановимся несколько подробнее – знаменитый и высоко ценимый как на западе, так и на востоке «волчек», знак оружейников города Пассау на Дунае (рис. 1) железное производство которого процветало уже в IX в.

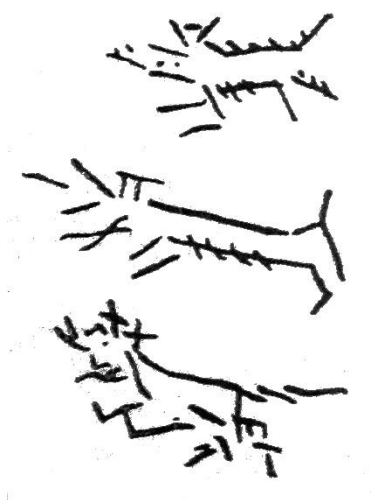

Рис. 1

Рис. 2.

В старинной хронике города Пассау сказано, что герцог Альбрехт II в 1349 г. даровал городским мастерам право выбивать на клинках из Пассауского герба (серебряный волк в красном поле) фигуру волка, но, по мнению авторитетных лиц, это известие неточно и «волчки» выбивались уже с XIII в.

Очертания фигуры, имеющей отдаленное сходство с бегущим зверем, глубоко врезывались в металл и заполнялись медью, мелкие же поперечные черточки, изображавшие, по мнению некоторых специалистов, щетинистую шерсть зверя, как нам кажется, служили совершенно иной цели: при плотном вбивании инкрустации в прорези, медь расплющивалась, частицы ее входили в тонкие поперечные щели и таким путем достигалось более цепкое соединение металлов. Кроме «волчка» мастерские, подчиненные Пассаускому епископу, клеймили свои клинки знаком епископского посоха (рис. 2), также выложенного медью.

Произведения Пассауских мастеров вскоре приобрели вполне заслуженную известность и за пределами Германии, но если главной причиной их

Рис. 3

быстрого распространения были доброкачественный материал и унаследованное от отцов и дедов искусство мастеров, то немалой долей своей славы Пассауские клинки обязаны грубому суеверию ратных людей. Оружейники сумели окружить себя таинственностью, слыли опытными заклинателями оружия, обладающими сверхъестественными способностями и состоящими в тесной связи с нечистой силой; понятно, что и произведениям их рук народная молва приписывала такие же сверхъестественные качества: пассауский меч бил безусловно насмерть, обладателя же чудодейственного клинка не брало никакое оружие. Таким образом слава этих мечей, основанная на действительно выдающихся их боевых качествах и поддерживаемая суеверным страхом современников, до того усилила спрос на «волчки», что полосы с другими клеймами, хотя бы и не уступающие качеством, вовсе не находили сбыта. Появились подражания и подделки, но опасным соперником пассауской монополии мог сделаться только такой центр оружейного мастерства, который стоял на равной высоте, как по качеству, так и по количеству производства.

Таким конкурентом явился город Солинген, славившийся выделкою клинков уже с XII в. Начиная с XV, в особенности же в XVI и XVII вв., солингенцы выступили со своим «волчком», постепенно получившим еще большее распространение, чем пассауский оригинал, в особенности на востоке, и вытеснившим наконец окончательно клинки старого образца.

Сделанное при этом заимствование чужого фабричного знака едва ли можно назвать подделкой в обычном смысле этого слова, так как нельзя здесь усмотреть намерения обмануть покупателя тождественностью клейма: даже непривычному человеку с первого взгляда должно было броситься в глаза различие в рисунке волка (рис. 3) и отсутствие медной инкрустации, тем более, что солингенские мастера весьма часто к изображению зверя прибавляли свои личные клейма, или даже надпись «In Solingen». Не гоняясь вовсе за нынешней тождественностью своих произведений с коинками пассауских

мастерских, они обеспечили за собой возможно широкий сбыт товара путем применения его к требованиям спроса и, действительно, не ошиблись в расчете на неразвитую массу, приобретающую клинки непременно с изображением какого-то бегущего зверя. Мы видим повторение того же явления во второй половине XVII в., когда спрос на «волчки» сменился общей погоней за клинками известнейших в то время испанских мастеров; на этот раз подражания гораздо более носили характер настоящей подделки, воспроизводившей пробное клеймо города Толедо, знаки и имена копируемых мастеров, но и здесь Солингенцы нередко рядом с испанскими выставляли клейма своих собственных фирм.

Из приведенных данных, впрочем, отнюдь не следует выводить заключения, что оружейники города Золинген занимались исключительно подражанием наиболее ходким чужим образцам; напротив, именно в Солингене уже с XVI в. мы находим большое число вполне самостоятельных мастерских, отмечающих свои изделия клеймами совершенно оригинального рисунка, именем мастера и девизами или изречениями, являющимися по крайней мере в начале, такой же исключительной принадлежностью известной фирмы, как и клеймо; наиболее употребительные в Солингене надписи такого рода: *Soli Deo Gloria, Fide sed cui vide, Inter arma silent leges, Pro aris et focus, Nec temere nec timide, Vincere aut moris* впоследствии, т.е. уже с конца XVII в., эти девизы употреблялись без разбора всеми или по крайней мере очень многими местными фирмами и вырезались на клинках не по одной, а по две, по три и более за раз. В наложении клейм Солингенцы также не скупались, выбивая их обыкновенно по несколько раз, и в добавок кроем клейма за редкими исключениями помещали на своих изделиях еще имя и фамилию мастера с прибавлением слов «*me fecit Solingen*». Таким образом произведения Солингенских оружейников довольно легко распознаются по обилию выставляемых знаков и точное определение иногда затрудняется лишь тем обстоятельством, что с конца XVII в. учащаются случаи продажи одной фирмой своего клейма другой мастерской, перепродажи того же фабричного знака в третьи руки и т.д.

Кроме мастерских в городах Пассау и Солинген, в Германии и Австрии

Рис. 4.

Рис. 7.

Рис. 8.

Рис. 9.

Рис. 5.

Рис. 6

Рис. 10.

процветали еще многие центры оружейного производства в Штигии, Богемии, Тюрингии, Тироли и других местах, но мы должны ограничиться приведенными здесь данными; добавим лишь для примера рисунки нескольких характерных клейм наиболее известных солинггенских мастеров: *Peter Munsten* или *Münsten*, работавший в Солингене, Лондоне, а может быть и в Испании в конце XVI в. (рис. 4); *Weilm Klein* – XVI в. (рис. 5); *Clemens Horn*, между 1580 и 1630 г.г., часто помещает на клинках латинские изречения «Fide sed cui vide», «Inter arma silent leges» и др. (рис. 6); *Johanes Wundels*, 1560 – 1620, на клинках почти всегда латинские девизы и поговорки (рис. 7); *Hans Moum*, 1600 – 1625; (рис. 8); *Meves Berns*, нач. XVII в. (рис. 9); *Wilhelm Weyersberg Wirsberg* 1570 – 1630 (рис. 10).

IV. Итальянские мастера. «Гурда».

Итальянские мастера, в противоположность солинггенским и вообще немецким мастерам, сравнительно редко клеймили свои клинки и если клеймили, то употребляли обыкновенно маленькие значки несложной формы (рис. 11), относившиеся, сколько известно, к мастерским городам Генуи, Брешии, Милана и Беллуно и не составлявшие личную собственность определенных мастеров. Исключение составляют лишь клейма некоторых миланских оружейников как напр. семьи *Пичинино*: *Antonio Picinino* 1509 – 1589, (рис. 12) сын его *Federigo*, раб. до начала XVII в., (рис. 13) и брат последнего *Lucio*

Рис. 11.

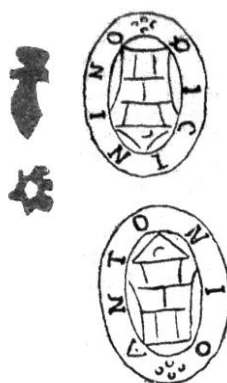

Рис. 12.

Рис. 13.

Рис. 14.

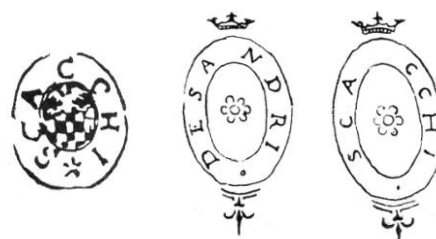

Рис. 15.

1550 – 1570, *Pietro Caino* раб. в Милане в конце XVI в. (рис. 14) *Scacchus*, помечавший свои изделия, *Desanpri Scacchi* и работавшего вероятно в Бресчии. (рис. 15).

Остановимся несколько подробнее на одном клейме, происхождение которого в точности еще невыяснено, но несомненно итальянском, получившем на востоке, в особенности же на Кавказе, громкую известность под названием «гурда». Считаем долгом оговориться – мы не имели случая ознакомиться с разновидностями подлинной кавказской гурды, но люди, близко знакомые с кавказским оружием, утверждают, что изображаемые здесь знаки (рис. 16) тождественны с «гурдою», т.е. с клеймом мифического восточного оружейника, про которого предание гласит, что он, озлобленный против хвалившегося превосходством своей работы конкурента с восклицанием «гурда» (т.е. «смотри») перерубил пополам соперника вместе с его клинком.

Это клеймо, встречающееся чаще всего на сабельных полосах, украшенных у пяты рядом продольных мелких долов, состоит из двух изогнутых в виде серпа или полумесяца линий с тонкими зубцами по наружным или внутренним краям; по концам линий расставлено обыкновенно по 1 – 3 точек,

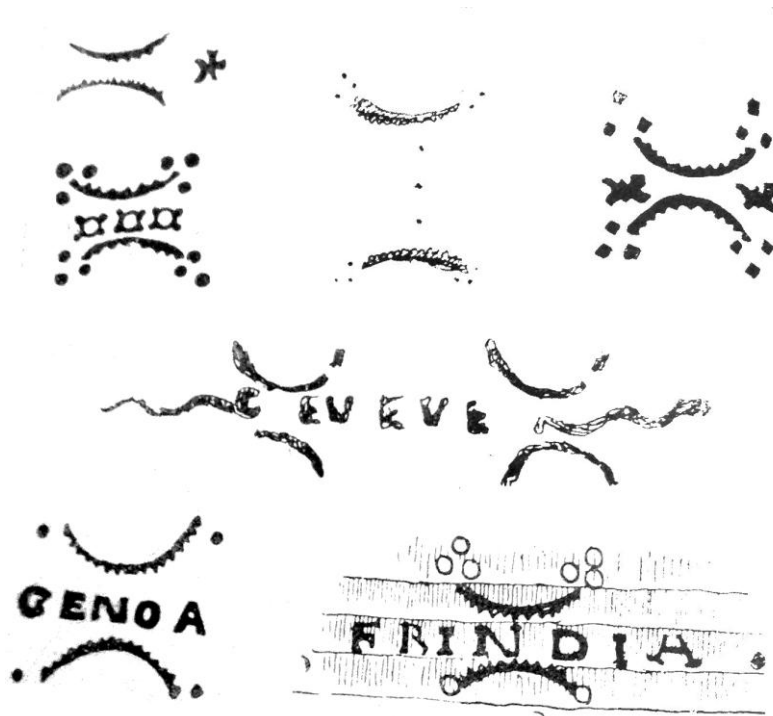

Рис. 16.

между линиями иногда выбиты или мелкие значки или слова: Genova, Genua, Geneve, или же, наконец, несколько загадочное слово Fringia с вариантами Frindia, Frinia, Frangia, Francia. Господствовавшее до сих пор мнение, что Fringia есть ни что иное как сопоставление начальных букв титула германского императора Фердинанда III (F(erdinandus) R(ex) IN G(ermania) I(mperator) A(ugustus)) теперь опровергнуто и в настоящее время остановились на объяснении слова fringia из турецкого ferengi или frengi, означающего «франкский», такое предположение подтверждается фактом, что клинки с рассматриваемым знаком в большом количестве вывозились на восток. Эти сабельные полосы со второй половины XVI в. выделялись в северной Италии, вероятно в генуэзских мастрских, впоследствии же, в XVII в. целыми массами подделывались штирийскими оружейниками и оттуда также усиленно вывозились в турецкие владения.

V. Испания.

Испания издревле славилась производством холодного оружия и долгое господство мавров в стране довело оружейную технику до высокой степени

совершенства; в XVI и XVII в.в. мастерские в городах Toledo, Bilbao, Sahagun, Albacete, Almeria, Sevilla занимали господствующее положение на европейском рынке и спрос на испанские шпажные клинки принял такое же исключительно-одностороннее направление как, в свое время, спрос на пас-сауские волчки. Остановимся несколько на изделиях Толедских мастеров, клейма и надписи которых требуют кое-каких объяснений.

Рис. 17.

Рис. 18.

Рис. 19.

Рис. 20.

Рис. 21.

Рис. 22.

Рис. 23.

Рис. 24.

Рис. 25.

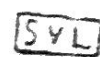

Рис. 26

Прежде всего следует отметить, что все клинки, исходившие из мастерских этих городов, носили особое клеймо (рис. 17), накладываемое присяжными мастерами-смотрителями (в Германии они носили название *Beschau-Meister*), которые избирались ремесленными цехами для постоянного надзора за исправной, по всем правилам искусства, работой и свидетельствования годности поступающих в продажу предметов. Подобных знаков, назовем их, для краткости, «пробными» (в Германии *Beschau*, *Beschauzeichen*) мы встречаем особенно много в XV и XVI в.в., особенно в Германии, и хотя они выбивались чаще на оборонительном, чем на белом оружии, мы тем не менее полагаем, что некоторое знакомство с наиболее употребительными из них будет не без интереса для наших любителей и собирателей оружия; приводим для примера пробные клейма городов: Бильбао в Испании (рис. 18), Арагонских мастерских (рис. 19), Венецианской республики (рис. 20), Милана (рис. 21), Аугсбурга (рис. 22), Вены (рис. 23), Нюрнберга (рис. 24), Ландсгута в Баварии (рис. 25), Зуль в Тюрингии (рис. 26).

Кроме городского пробного знака, на клинках лучших мастеров часто еще выбивалось клеймо с изображением лилии (рис. 27), обозначающее, что оружейник был удостоен звания «*espadero del rey*», т.е. придворного постав-

щика; третье клеймо наконец, состоящее обыкновенно из щитка с буквою под короной, принадлежало уже лично мастеру. Относительно этих последних клейм необходимо сказать, что принадлежность их определенным оружейникам далеко еще твердо не установлен и что вопрос об окончательном приписании того или иного знака известному мастеру еще более затрудняется и запутывается массой подделок, которым подвергались испанские клинки не только со стороны Солингенских заводов, но и мастерских других стран.

Рис. 27.

Рис. 28.

Все упомянутые клейма выбивались испанскими мастерами по преимуществу на той части полосы, которая покрывается дужками эфеса, между рукоятью и началом лезвий, что, между прочим, не всегда соблюдалось фальсификаторами (рис. 28).

Кроме клейм, почти все испанские оружейники вырезывали свои имена в коротких узких долах шпага и для этих надписей употребляли совершенно своеобразные полуготические, вычурные буквы, довольно неразборчивые для непривычного глаза; укажем для образца на форму букв E и D в надписи En Toledo (рис. 29).

Рис. 29.

Рис. 30.

Рис. 31.

Рис. 32.

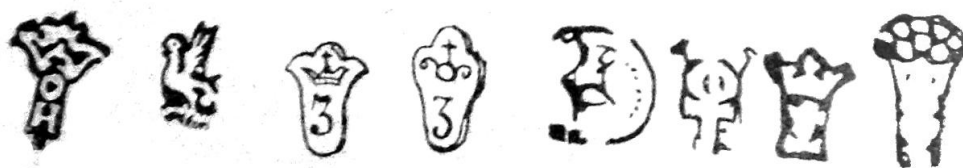

Рис. 33. Рис. 34.

Рис. 35.

Рис. 36

Рис. 37.

Рис. 38.

Рис. 39.

Наиболее известные мастера города Толедо следующие: 1) *Jwan Martinez* старший, жил около середины, младший в конце XVI в., кроме клейм и имени вырезывали девиз: *In te Domine speravi non confundar* (рис. 30); 2) Семья *Sahagun*, именовавшаяся по маленькому городку *Sahagun* в провинции Леон, *Alonso de Sahagun* старший, около 1570 г. (рис. 31), *Luis de Sahagun*, его сын (рис. 32); 3) *Hortino de Aquirre*, кон. XVI и нач. XVII в. имел звание *espadero del rey*, выбивал клеймо (рис. 33) и лилию, как и сын его *Domingo*, внук его *Nicolas* отмечал свои клинки знаком (рис. 34). 4) *Sebastian Hernandez* старший, окло 1570 г. (рис. 35); 5) *Pedro Hernandez*, жил в первой половине XVII в. (рис. 36); 6) *Pedro de Velmonte*, нач. XVII в. (рис. 37); 7) *Thomas de Ayala*, работавший приблизительно между 1570 – 1620 г.г.; клинки (рис. 38) его носили и другие клейма и весьма часто подделывались. 8) *Francisko Ruiz*, 1560 – 1620 г.г. работал первоначально в Германии (рис. 39), брат его *Antonio Ruiz* выбивал почти тоже клеймо – букву А под короной так что работы братьев различают не столько по знакам, сколько по форме клинков, которая в произведениях *Francisko Ruiz* ясно показывает влияние солингенской школы.

В заключение считаем долгом указать на некоторые капитальные сочинения, послужившие источниками при составлении настоящего очерка; из них же заимствованы по большей части помещаемые здесь рисунки.

W. Vocheim *Handbuch der Waffenkunde*. Leipzig 1890.

Его же *Meister der Waffenschmiedekunst*. Berlin, 1897.

M. Jahnus. *Entwicklungsgeschichte der alten Trutzwaffen*. Berlin 1899.

J. Szendrei. Ungarische kriegsgeschichtliche Denkmäler in der Millenniumsausstellung. Budapest, 1896.

Zeitschrift für historische Waffenkunde. Отдельные статьи.

Каталоги музеев в Париже, Мадриде, Турине, Берлине, Вене, Шварцбурге и др.